

Я в третий раз перечитывала фразу древнекитайского мудреца, путаясь в хитросплетении чужой логики, и пыталась не обращать внимания на Юльку, которая, заваривая чай, по обыкновению, говорила без передышки. Последнюю строчку я прочитала вслух, и Юлька насторожилась.

— Что? — переспросила она и даже нахмурилась, намекая на титаническую работу мысли.

— «Благородные души, остерегайтесь делать добро», — охотно процитировала я.

— Почему? — еще больше нахмурилась Юлька.

— Потому что «творящий добро не ради славы так или иначе удостоится ее. Сама по себе слава не ищет награды, однако со славою непременно придет и награда. Награда сама по себе чужда борения, но в конечном итоге борьбы не избежать». А посему, — вздохнула я, — «остерегайтесь делать добро».

— Что за гадость ты читаешь? — поворчала подруга. — Пораженческая идеология чужда молодому поколению россиян. У нас впереди светлое будущее, которое мы построим своими руками. А здесь что? Ничего не делай, и жизнь, считай, удалась? И что плохого в борьбе?

— Не знаю, — вздохнула я. — А чего хорошего?

— Ты меня с ума сведешь, — всплеснула руками Юлька. — Сидит читает какую-то ерунду и на меня тоску нагоняет.

— Я пытаюсь отвлечься от твоих сумасшедших идей, — пожалала я плечами.

— Что в них такого сумасшедшего? — возмутилась подружка.

— Все. — Я решила быть лаконичной, но, усмехнувшись, добавила: — Тебе никто не говорил, что врать нехорошо? — я кивнула на газету, лежавшую на столе. Юлька шмыгнула носом, потом его потерла, покусала ноготь и пленительно мне улыбнулась.

— Это не вранье. Это... рассказ о событиях, которые вполне могли бы иметь место, — после мгновенной заминки нашлась она.

Я вновь усмехнулась:

— Ага. Только ты написала не художественное произведение, где можно фантазировать на здоровье, а статью, и хоть ваша газета давно зарекомендовала себя как на редкость глупая...

— Не тронь святое, — ахнула Юлька и засмеялась, махнув рукой. — Ну чего ты придираешься? Начало лета, люди только о помидорах и думают, сидя на своих дачах. Их сейчас ничем не проймешь, кроме этих помидоров. А писать о чем-то надо. Я тебя уверяю, моя статейка — самое то для дачного чтения.

Надо сказать, Юлька была самокритична и к своей газете и к личному участию в ней относилась с иронией. Мне это было не всегда понятно, оттого мы с Юлькой часто спорили. Она призывала меня относиться к жизни легко, больше думать о личном счастье, а все остальное, по ее мнению, приложится. В последнее время у нас с личным счастьем было не то чтобы скверно, скорее никак. Юлька рассталась со своим парнем месяц назад, я со своим чуть раньше и после бурных выяснений отношений к новому роману не особо стремилась. Юлька свято верила в любовь, которая подстерегает ее за ближайшим углом. Вообще-то наши взгляды на жизнь мало похожи, но это не мешает нам дружить много лет. Мы вместе хо-

дили в детский сад, а потом в школу, став одноклассницами, дружба проверена годами, и стычки, которые время от времени происходили между нами, нанести ей урон не смогли.

Сегодняшний спор вышел из-за статьи в газете, которая лежала в настоящий момент на столе. На двенадцатой странице помещена фотография какого-то придурка в плаще с капюшоном, скрывавшим его лицо, в левой руке у него толстенная свеча, в правой меч, который он держит таким образом, что сразу не поймешь, меч это или крест. Заголовок тоже порадовал: «Что скрывается за тайным обрядом?» Статья на всю страницу, внизу подпись «Ю. Оболенская». Вообще-то Юлькина фамилия Пучкова, но печатается она под псевдонимом.

Взгляд мой уперся в один из абзацев, и я покачала головой. Подруга это, конечно, заметила.

— Ну что ты, в самом деле? — вздохнула она. — Отнесись к этому как к шутке.

— Твой редактор чокнутый, — не удержалась я.

— Не-а, он умен и циничен, о чем тебе доподлинно известно. — Юлька весело мне подмигнула, а я вновь вздохнула, но уже по другому поводу. Я имела неосторожность однажды заглянуть к Юльке на работу, познакомиться с ее шефом, с тех пор он не оставляет надежды уложить меня в постель. Его идея у меня отклика не находит, а телефон забит эсэмэсками примерно такого содержания: «У тебя потрясающие глаза» и так далее. Если верить этому типу, во мне потрясает все, даже уши.

— Юля, — голосом мученицы начала я, — твой шеф придурок, ты сама абсолютно безответственное существо, а эта статья — идиотизм чистой воды. Беда в том, что непременно найдется дурак, который во все это поверит.

— Ну и на здоровье, — хихикнула Юлька. Собственно, и мне ничто не мешало махнуть на данный

шедевр рукой и поскорее забыть о нем, но странное дело — не получалось. По неведомой причине и дурацкая Юлькина статья, и неизвестный тип на фото внушали мне смутное беспокойство, тем более непонятное, что я доподлинно знала: все в этой статье — выдумка, и натолкнула Юльку на мысль написать все это я сама, затеяв три дня назад разговор о мистических обрядах. Юлька проявила повышенный интерес к теме — и вот результат.

Раз в неделю она пишет в рубрику «Непознанное» — об инопланетянах, оборотнях и снежном человеке, так что ее интерес к нашему тогдашнему разговору вполне понятен, и я ничуть не возражала бы, опиши она какой-то ритуал, но на этот раз Юлька пошла дальше. Если верить ее статье (а верить ей я, конечно, не собиралась), в нашем городе существует тайное общество, члены которого раз в месяц собираются в укромном месте и совершают некий обряд, далее следовал намек на явную неприличность действия, однако вдаваться в детали Юлька не стала, дав понять, что ее источник побоялся раскрывать все тайны.

— Они что, дьявола там вызывают? — съязвила я, не удержавшись. Статья была перед глазами, и я против воли то и дело к ней возвращалась.

— Не надо конкретизировать, — хихикнула Юлька. — Пусть каждый вообразит, что ему больше нравится.

— Тебе должно быть стыдно.

— Возможно, но почему-то не стыдно.

— Ты сумасшедшая, — сложив газету, вынесла я вердикт. — Помнишь, что сказал Умберто Эко?

— Он постоянно что-то говорит, я за ним не поспеваю.

— Первый признак безумца — он непременно приплетает к делу тамплиеров. Ты бы хоть подумала, какие могут быть тамплиеры в России? Откуда им здесь взяться?

— Ой, не скажи. Во-первых, я упомянула о них между делом и без нажима. Во-вторых, у нас всякой твари по паре, почему бы и тамплиерам не завестись. К примеру, сбежали из Франции в революцию, ну и осели в России-матушке с каким-нибудь артефактом.

— А во Франции они откуда взялись? — я продолжала язвить, хоть и чувствовала всю бесполезность этого занятия. — Орден прекратил свое существование еще...

— Лизанька, — взмолилась Юлька. — Не надо исторических подробностей. Про Филиппа Красивого ты мне в прошлый раз рассказывала, и «Проклятых королей» я читала. Кто-нибудь из рыцарей спасся и артефакт припрятал. Так всегда бывает, в романах уж точно.

— В романах сколько угодно. Но ты пишешь о тайном обществе, которое якобы реально существует в нашем городе.

— Отнесись к этому как к роману, — беспечно засмеялась подружка.

— А если этой глупой статьей в ФСБ заинтересуются? Тайные общества как раз по их части.

Юлька на мгновение задумалась, но потом рукой махнула:

— Не смейся. Наша газета известна своей «правдивостью», будут они на всякую чушь внимание обращать. А обратят... что ж, честно признаюсь, что все выдумала.

Я кивнула и вдруг сказала то, что произносить вовсе не собиралась:

— Знаешь, мне как-то не по себе.

Юлька смотрела на меня в изумлении, потом спросила:

— В смысле?

— Сама не пойму, — вздохнула я. — Какое-то... предчувствие.

— Э-э, ты это брось. — Юлька схватила газету и сунула ее в мусорное ведро. — Вот и все. Забыли.

— А что это за тип в капюшоне? — не унималась я.

— В Интернете фотку нашла. Он-то тебе чем не понравился?

— Я от него в восторге... знаешь что, завязала бы ты со всей этой чертовщиной.

— Не могу, мне за нее деньги платят, — хмыкнула Юлька.

На следующий день я забыла и о нашем разговоре, и о Юлькиной статье. День выдался суматошный. В девять утра я уже была в студии, где мы записывали цикл передач об истории родного города, передача выходила по пятницам, шла двадцать минут и второй сезон пользовалась популярностью. Особых доходов мне это не приносило и являлось скорее хобби. Я окончила истфак университета, собиралась преподавать в школе, но меня пригласили на местное телевидение, где я проработала редактором около года. Потом знакомый предложил организовать собственное дело: рекламное агентство. Я согласилась попробовать и впоследствии ничуть об этом не пожалела. Теперь агентство приносило вполнеличный доход. Пару лет назад у руководства канала, где я некогда работала, возникла идея сделать передачу «Страничка истории», и вспомнили обо мне. Идея показалась мне интересной. Сначала предполагалось, что я буду писать сюжеты, потом меня утвердили на роль ведущей, так я стала звездой экрана областного масштаба. Мой приятель, а теперь и компаньон, отнесся к этому с пониманием, так что мне пока удается совмещать приятное с полезным, хотя наблюдается дефицит свободного времени. Записывали передачи на месяц вперед, то есть сразу пять сюжетов подряд, и остальное время я посвящала ра-

боте в агентстве. Конечно, к передачам приходилось готовиться, но теперь у меня было две помощницы, к тому же готовилась я по вечерам и в выходные, и у Вадима, так звали моего компаньона, повода сетовать не было.

Тот вторник, как я уже сказала, выдался суматошным, среда оказалась не лучше, пришлось ехать в район, по дороге у меня сломалась машина, клиент попался на редкость бестолковый и сам не знал, чего хочет, вернулась я ближе к полуночи. В четверг отогнала машину в автосервис, потом встречалась с клиентами, утверждала эскизы и только в пятницу смогла немного передохнуть, потому что к обеду появился Вадим. Всю неделю он был в Москве. Мы вместе поужинали, а потом я забрала свою машину из автосервиса. В половине десятого я вернулась домой и поняла: лучшее, что я могу для себя сделать, — это пораньше лечь спать. Зевая во весь рот, я выпила чаю, постояла под душем и устроилась в постели, прихватив с собой книгу. Прочитать успела пару страниц и не заметила, как уснула. Мне снилось, что я на необитаемом острове, лежу на абсолютно белом песке, надо мной пальма, а на пальме висит телефон и надоедливо трезвонит. Я гадала, откуда телефону взяться на необитаемом острове, пока не проснулась и не поняла, что телефон и впрямь звонит, и не где-нибудь, а у меня в прихожей.

В спальне было уже темно, я долго пыталась попасть ногами в тапки, чертыхнулась и заспешила в прихожую, по дороге включив свет и взглянув на часы. Половина двенадцатого. Я притормозила, прикидывая, стоит ли отвечать. Сегодня пятница, наверное, кому-нибудь из друзей пришла в голову очередная гениальная идея, которая, скорее всего, выльется в бессонную ночь, а я собиралась выспаться как следует. Тут включился автоответчик, и я услышала Юлькин голос:

— Лизка, сними трубку.

Трубку я сняла. С Юлькой мы не виделись с понедельника и даже не перезванивались, только раз в день обменивались посланиями «как дела?», «нормально». И это было не совсем обычно, потому что и она и я любили поболтать и по вечерам, если не могли встретиться, непременно звонили друг другу.

— Привет, — сказала я, борясь с зевотой.

Юлька обошлась без приветствия.

— Можешь за мной приехать? — чуть ли не шепотом спросила она. Голос ее звучал как-то странно, но в первый момент я не обратила на это особого внимания и только ответила:

— Совести у тебя нет.

— Приезжай побыстрее, — сказала она, и вот тогда я заметила, что ее голос звучит так, точно Юлька перепугана насмерть и держится из последних сил.

— Куда приезжать? — вздохнула я, пытаюсь отгадать, чем она занята, а главное, что могло поколебать ее веселое безразличие ко всему на свете.

— Кафе «Перископ» знаешь? — Она еще больше понизила голос, так что теперь я с трудом разбирала ее слова.

— Ну...

— Поставь машину с торца, там кусты, тачку не глуши и не высовывайся. Как подъедешь, позвони, я выйду.

Юлька отключилась, а я в недоумении покосилась на трубку в своей руке.

— Чего она дурака валяет? — с обидой спросила я, за неимением другой аудитории обращаясь к телефону. Аппарат скромно помалкивал. Я перевела взгляд на зеркало, где отражалась моя физиономия, помятая и совершенно несчастная. В голову пришла крылатая фраза «Сам погибай, а товарища выручай». Я кисло улыбнулась, пожалела себя еще немного и пошла одеваться.

Ночь стояла теплая. Выйдя из подъезда, я взглянула на небо, где между верхушками деревьев притаилась луна, и решила, что Юльке, по большому счету, следует сказать «спасибо»: грех спать в такую ночь. Захотелось пройтись по улице, где в свете фонарей на асфальт падали причудливые тени, и слушать звук своих шагов в гулкой тишине. Я подумала: что, если в самом деле пройтись пешком? Но кафе было довольно далеко, рядом с вокзалом, и идти туда ночью точно не следовало. К тому же заговорщицкий Юлькин шепот меня смущал, хотя я не очень переживала, уверенная, что ночной звонок — ее очередная глупая выходка. Не впервые я спешу на выручку к подружке, и каждый раз дело выеденного яйца не стоило. Тьфу-тьфу, не сглазить бы. Я покосилась на свою машину, которая была на стоянке тут же, во дворе, вздохнула и направилась к ней. Заберу Юльку, прогуляться можно потом, вдвоем это даже приятней.

Выехав на проспект, я убедилась, что прогуляться по ночным улицам пришло в голову не только мне. Такое впечатление, что половина жителей нашего города наслаждается летней ночью. Впрочем, чему удивляться, раз сегодня пятница. Парочки, компании по три-четыре человека, в основном, конечно, молодежь, но встречались люди постарше и даже пенсионеры.

На светофоре я свернула и начала спуск к вокзалу. Слева возникла Троицкая церковь, в свете прожекторов похожая на гигантское пирожное со взбитыми сливками, дальше стена старого кладбища и опять поворот, здесь к вокзалу спускается лестница, казавшаяся в темноте бесконечной, на троллейбусной остановке двое подростков гоняли пустую банку из-под пива. Еще один поворот. Кафе где-то здесь, я увидела вывеску и собралась тормозить, но, вспом-

нив слова Юльки, проехала до конца здания и, только свернув, остановилась, бормоча под нос: «Глупость какая...» Потом достала телефон и набрала номер подруги.

— Ну вот, я приехала, — сказала весело и услышала в ответ короткие гудки. Покачала головой и не успела убрать телефон в сумку, как увидела Юльку, она как раз вывернула из-за угла и бросилась со всех ног к машине.

— Гони, — выдохнула она, захлопнув дверь. И я рванула с места, хоть и собиралась для начала спросить «что происходит?». — В переулок, там темно, номер тачки не увидят, — бормотала подружка то ли себе, то ли мне.

Я свернула и покосилась на Юльку, она сидела, нахохлившись и напряженно глядя в зеркало. Проскочив переулок, мы оказались на улице Мира, широкой, освещенной, со стайками молодежи на тротуаре возле кинотеатра. Я резко затормозила и обратилась к подруге:

— Ну и в чем дело?

— Чего ты встала? — зашипела она. — Сматываемся отсюда побыстрее.

— И не подумаю, пока не объяснишь...

Я не договорила и поспешно тронулась с места, выражение лица у Юльки было такое, что я решила повременить с вопросами. Вне всякого сомнения, она была здорово напугана, хотя напугать Юльку было не так легко по причине ее абсолютного пофигизма, а также склонности к авантюрам, которые, с ее точки зрения, придают жизни необходимую остроту.

— Куда? — со вздохом спросила я.

— Домой, — пожала она плечами.

— К тебе или ко мне?

— Лучше к тебе.

Она все смотрела в зеркало, и это действовало на

нервы, потому что против воли и я начала бояться неизвестно чего.

— Давай покатаемся по центру, — предложила она минут через пять. — Хочу убедиться, что за нами никто не увязался.

— ЦРУ, МОССАД или сам Бен Ладен? — съязвила я.

— Что? — не поняла Юлька.

— Кто нам сел на хвост, спрашиваю? — гаркнула я.

— Кабы знать, — потерев нос, ответила подруга, сунула руки между колен и зябко передернула плечами.

— Ты спятила? — удивилась я, сообразив, что говорит она вполне серьезно.

— Оно существует, — через некоторое время, когда я уже не ожидала услышать ответ, заявила Юлька.

— Что существует?

— Тайное общество.

Это было уже слишком. Я хотела остановить машину и малость вправить Юльке мозги, но потом решила, что это подождет.

— Угу, — кивнула я. — Сегодня полнолуние, и вся нечисть вышла на охоту.

— Какая нечисть? — забеспокоилась подруга. Смеяться мне сразу расхотелось.

— Юля, ты ведешь себя как ненормальная.

— Ага. А чувствую себя и того хуже. Говорю тебе, оно существует.

Я вновь покосилась на нее и вздохнула:

— Ладно. Пусть так. Приедем домой, и все расскажешь.

Отправляясь за Юлькой в «Перископ», я была уверена, что она сидит там с каким-нибудь парнем, от которого не чаёт избавиться, и вдруг такое... Самое скверное: теперь я сомневалась, что Юлька устроила дурацкий розыгрыш, желая позабавиться. Сохранять испуганную мину столь долгое время ей по-

просту бы не хватило терпения, еще пять минут назад она бы уже хохотала в голос и, поддразнивая меня, спрашивала: «Ты поверила, правда поверила?» Но Юлька упорно молчала, а я качала головой в досаде, гадая, что такое могло произойти за эти дни, точнее, что успела навывдумывать Юлька, запугав себя до сероватой бледности и тоскливого взгляда? Кстати, именно так в тот момент она и выглядела. Бледная физиономия и тоска в глазах. Последний раз я видела ее в таком состоянии в девятнадцать лет, когда она случайно узнала, что предмет ее страсти, который накануне подарил ей кольцо и смутно намекал на союз длиною в жизнь, четыре года как женат, причем уже в третий раз. Правда, тогда она быстро оправилась. Возлюбленного отфутболила, оставив себе кольцо на память. Будем надеяться, что после двух чашек чая и сегодня все пройдет. Если чай не поможет, перейдем на коньяк. Для таких случаев я его и держу в доме.

— Вроде никого, — пискнула Юлька, повернулась ко мне и спросила: — Ты ничего не заметила?

— Заметила, что ты ведешь себя по-дурачки.

Движение на проспекте было оживленным, несмотря на позднее время, а я вдруг поймала себя на том, что после Юлькиных слов тоже начала пялиться в зеркало, высматривая неизвестно что...

— Идиотизм, — буркнула я наконец.

Мы свернули во двор моего дома, Юлька вроде бы немного успокоилась. Стоянка возле дома не охраняемая, но въезд закрывает шлагбаум. Приоткрыв стекло, я достала брелок, и тут Юлька спросила:

— А чего у вас фонарь не горит?

— Он уже год не горит, — ответила я, призывая себя к спокойствию.

— Темнотища-то какая, — пожаловалась она. — Идем быстрее.

Не успели мы покинуть машину, как Юлька схватила меня за руку, бегом припустила к подъезду

и, только когда железная дверь за нами захлопнулась, перевела дух.

Мы поднялись на второй этаж. Идя следом за подругой, я буравила взглядом ее затылок и готовила обвинительную речь, где самыми мягкими выражениями были «свинство» и «белая горячка».

Я открыла дверь, вошла первой, включив свет, Юлька дверь заперла и посетовала:

— Замок у тебя какой-то хлипкий.

— Если не прекратишь, получишь по лбу, — не выдержала я.

— Чего ты злишься? — растерялась Юлька.

— Ты подняла меня среди ночи и всю дорогу болтала какую-то чушь, теперь тебе замок, видите ли, не нравится. Что на тебя нашло, скажи на милость?

— Дай мне по лбу, — вздохнула она. — Если хочешь. Только это не подействует, потому что я сама не своя. У меня голова идет кругом и коленки дрожат.

Юлька направилась в кухню, включила чайник, я устроилась у окна, наблюдая за тем, как она накрывает на стол. Двигалась она неторопливо, поставила чашки, подала варенье, достала вазочку с конфетами, о чем-то сосредоточенно размышляя, будто испытывала мое терпение, а я вновь подумала: может, она все-таки дурака валяет, решив подшутить надо мной? Однако шутка затянулась.

— Ау, — сказала я. — Я здесь. А ты где?

Юлька наконец-то разлила чай и села.

— Слушай, — сказала она со вздохом и стала излагать: — Все началось в среду. Я пришла на работу уже после трех, потому что утром брала интервью у директора... впрочем, это неважно. Прихожу я на работу, а Зойка, наша секретарша, ты ее знаешь... толстая такая...

— Я прекрасно помню твою Зойку, — нетерпеливо сказала я. — Так что она?

— Зойка сказала, что меня спрашивал какой-то

мужчина. — Юлька тяжело вздохнула, а я нахмурилась. — Короче, он интересовался, где меня можно найти. Представился как мой знакомый. Зойка, само собой, ответила, что я буду во второй половине дня.

— А она не поинтересовалась, зачем ты ему понадобилась?

— Поинтересовалась. Он ответил, что у него ко мне личное дело.

— Тогда ей следовало сказать, что с личными делами на работу не ходят.

— Примерно так она и сказала. Ты же знаешь, она девка языкатая, за словом в карман не полезет. На парня это никакого впечатления не произвело, он заявил, что дело хоть и личное, но имеет непосредственное отношение к работе. Якобы у него есть для меня интересный материал. Зойка решила, что, если просто отошьет парня, я, чего доброго, разозлюсь, вдруг и правда что интересное, и она предложила ему поговорить с редактором. Но незнакомец отказался. Говорить он хотел только со мной. «В таком случае ничем помочь не могу», — ответила Зойка и предложила ему зайти после обеда. А он спросил, не может ли она дать ему номер моего мобильного. Зойка дала рабочий, парню это не очень понравилось, но номер он записал и убрался восвояси. Вот... — Юлька замолчала, разглядывая стол. Часы громко тикали, отмеряя секунды, чай стыл, а я злилась, не понимая, что такого Юлька увидела в этом малоинтересном событии. Пришел мужик, спрашивал номер ее телефона... она четыре года работает в газете, и людей к ней является множество. Их интересные предложения, по большей части, ничего не стоят, но среди сотни граждан непременно найдется парочка особо настойчивых, мнящих себя гениями, а все свои идеи, соответственно, гениальными.

— Он ей не понравился, — неожиданно заявила подруга.

— Этот парень? — переспросила я. Юлька кивнула:
— Ага. Чудной какой-то. Нервный. Говорит, все оглядывался и глазами шарил, вроде что-то выискивая.

— Интересно, что именно, — усмехнулась я.

— Да, интересно, — согласилась Юлька, совершенно не уловив иронии.

Мне вдруг стало стыдно. Все, что она говорит, конечно, чепуха, но напугана она, без сомнения, по-настоящему, а чтобы Юльку напугать, надо все же постараться. Выходит, кроме этого нелепого визита, было еще что-то. Можно было прямо спросить: какого черта она делала в «Перископе», но я решила не торопить ее и набраться терпения, надеясь, что оно в конце концов будет вознаграждено ее внятным рассказом.

— Зойка говорит, что борода у него была не настоящая.

— У парня была борода? — подняла я брови.

— Была. И бейсболка надвинута на самые глаза. И голову он держал опущенной, как будто не хотел, чтобы его лицо увидели.

— А почему борода не настоящая?

— Потому что вел он себя странно.

— Это аргумент, — вновь не удержалась я и разозлилась, теперь уже на себя.

— Слушай. — Юлька встала и принялась нервно ходить по кухне. Кухня у меня небольшая, так что особо не расходишься, а Юлька все ускорялась, и вскоре ее метания стали меня раздражать, она напоминала тигра в клетке, только перепуганного тигра.

— Сядь ради бога, — взмолилась я. — У меня от твоего мельтешения голова идет кругом.

— Не думай, что этот парень меня сильно заинтересовал, — плюхнувшись на стул, сказала Юлька. — Поначалу, я имею в виду. Я так же, как и ты сейчас, подумала: одним психом больше, одним меньше, и